

У нашего поколения было чувство дома

В начале сезона мы предложили ведущим актерам и режиссерам страны поразмышлять о театральной ситуации на рубеже тысячелетий об ощущении профессии, высказать прогнозы на будущее. Разговор, начатый Андреем Гончаровым, Олегом Табаковым, Борисом Львовым-Анохиным, Михаилом Левитиным и Марком Захаровым, продолжает художественный руководитель Театра им.Евг.Вахтангова народный артист СССР Михаил УЛЬЯНОВ.

— Михаил Александрович, как известно, времена не выбирают, но зато выбирают их героев. Вы — один из них. Как вам кажется, чем герои вашего времени отличаются от нынешнего племени?

— Я не очень хорошо сейчас знаю молодую актерскую братию, но я понимаю старшее поколение нашей страны. Я не сравниваю, но что-то было у нас такое, чего нет сегодня у молодых. И не потому, что они хуже, вовсе нет. Они во многом умнее нас, хватче нас, быстро мастерство приобретают, могут совершенно спокойно и в полном одиночестве решать важные проблемы. Мы так делать не умели, не умели. У нас все-таки была коллективная жизнь и коллективное сознание. Но было в нашем поколении какое-то особое обожествление своей профессии, своего места жительства, своего места творчества, своего дома и своего театра. Вот это чувство "своего", в смысле "родного", в сегодняшних очень талантливых и очень умных молодых актерах, по-моему, отсутствует. Они все — космополиты. Они могут работать в других театрах, в других городах, в далеких странах. Они могут жить и творить где-то очень далеко. Это неплохо, но раньше такого не было. И не только из-за железного занавеса или других объективных причин. Головы устроены иначе.

Я, например, не могу представить себя, или Юрия Яковлева, или Юлию Борисову в других театрах. Хотя я и работал с Анатолием Васильевичем Эфросом, играл Наполеона, но по моим ощущениям, внутреннему настрою это были временные "прыжки".

— Вахтанговский театр обладает особой аурой, которой уже нет в других театрах, или же дело в более глобальных вещах?

— Здесь особенные актеры! Я опять-таки имею в виду свое поколение. Многие работают в театре не одно десятилетие, среди них и очень знаменитые, и не слишком обласканные славой. Думаю, это потому, что у стариков особое восприятие жизни, театра, искусства вообще. Я все время к этой теме возвращаюсь, потому что она кажется мне необыкновенно важной. В старшем поколении есть та легкость, искрометность, особое очарование и обаяние, свойственные только Вахтанговскому театру с момента его основания. Ведь все его спектакли строились на иных началах, чем, скажем, во МХАТе: не на началах театра потрясения, а на

началах театра очарования, театра праздника. И вот одна из проблем нынешней актерской братии, что частенько храбрость и смелость, безоглядность способствуют появлению у актера "бубенчиков". Звонят они и гремят: об актере вроде бы пишут, везде его приглашают на презентации, банкеты и прочую ерунду, а в общем-то — это звон пустоты, если ты только "тремишь" и ничего не делаешь. Это я не к тому говорю, что актеры с "бубенчиками" плохи. Я не противопоставляю, а просто хочу показать разницу актерского бытия, актерского восприятия жизни.

Сейчас все опомнились и все говорят — дом, дом, дом, а дома-то и нет ни у кого уже. Театры распадаются, рушатся, как снежные городки, именно изнутри. Я уже даже не говорю о том, как они делятся или отпочковываются, или еще что-то там с ними страшное происходит. Уследить за всеми переменами невозможно, но невозможно и уследить, где работают актеры! Иногда мне кажется, что Вахтанговский театр единственный, который еще держится в этом смысле. Старая гвардия хранит высочайший профессионализм, которым всегда славилась вахтанговская школа.

— Вы считаете, что в театре рвется связь времен, что между старшим поколением и молодежью возникла пропасть?

— Есть такая опасность, есть. В наше время мы были в более привилегированном положении в том смысле, что постоянно работали с большими мастерами, и работали только в своем доме. Эта сосредоточенность имела, на мой взгляд, не только прелесть, но и приносила немалую пользу. Мы учились не торопясь, внимательно следили за мастерами, за их промахами и победами. А сегодняшняя так называемая антреприза набирает актеров и тянет такую халтуру, что страшно смотреть. И в этом участвуют молодые и талантливые ребята. А это большая опасность. Но рядом с такой жизнью идет другая. Не так активно, но все же работает та часть актерского мира, то поколение, которое нуждается во внимании к каждой новой работе.

По мне бы... Вот живет Инна Чурикова — замечательная актриса, может быть, одна из самых интересных актрис нашего времени. Или Наталья Гундарева, или Юлия Борисова... Они все бесконечно разные, но они каждый вечер выходят на сцену, а это все-таки огромная школа, большая актерская

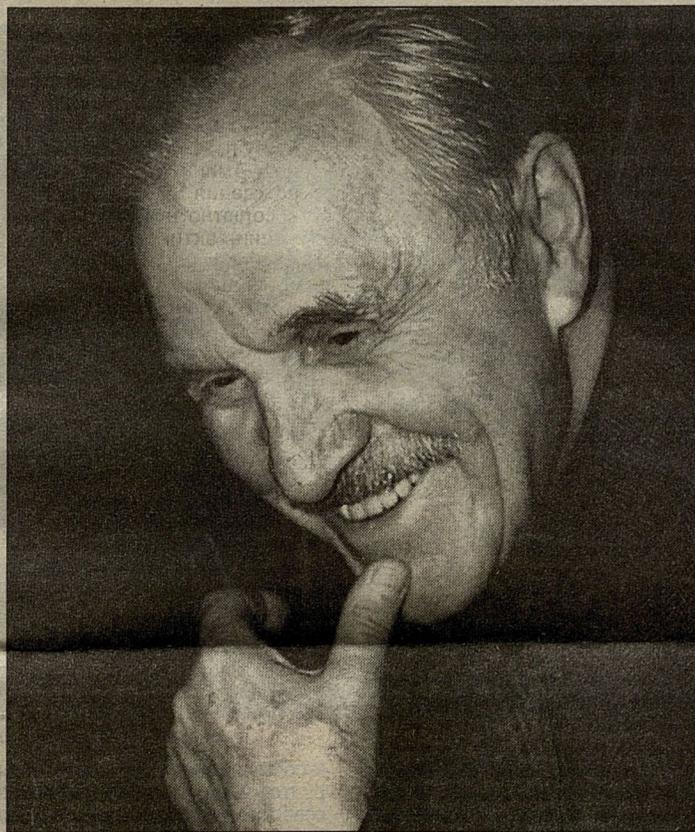

Фото М. ПУТЕРЛИЧА

академия, сравнить которую ни с чем невозможно! Успеть запечатлеть каждую их роль, успеть рассказать, показать, заметить нечто новое в работе. Вот основная задача. А у нас сейчас про юнью Чулпан Хаматову уже написаны тома. Замечательно! Она милая девочка, талантливая, все у нее впереди. Но рядом с ней еще живут, еще существуют, еще играют на сцене (может быть, уже и чуть старомодно) замечательные актеры и актрисы старшего поколения. Молодая актриса не должна чувствовать себя единственной, а зрелые актрисы не должны чувствовать, что они забыты.

Сейчас принято говорить, он — великий, она — великая, все — великие. Каждый второй — великий! Ну бред же сплошной. Раньше у нас в театре великий был один — Евгений Багратионович, а все остальные — его ученики. И это нормально.

— В чем, на ваш взгляд, причина потери у молодого поколения чувства дома, ведь прошло так мало времени, может быть, и дома-то настоящего не было?

— Одна из самых важных причин — это условия жизни. Раньше уйти в другой театр считалось чрезвычайным происшествием. Снять спектакль или заменить его — тоже ЧП. Государство давало деньги, и ты обязан был эти деньги отработать, то есть вернуть. Поэтому уйти в другой театр считалось неблагоприятным поступком. Сейчас все изменилось. Так называемая "раскрутка" и деньги испоганили все души, и актерские в том числе. Арти-

сты продаются, а что им делать? Они получают ничтожную зарплату в родном театре и уходят работать в другие спектакли, в другие театры.

— Вы принципиально не практикуете распространенный ныне метод работы с "чужими" звездами?

— Категорически нет. Мы воспитываем своих, но это не значит, что не испытываем трудностей. Мы воспитали Маковецкого, Суханова, Аронова, Дубровскую и многих других прекрасных актеров. И всех их уже растащили, разобрали. И теперь мы заманиваем их в буквальном смысле пирогами-ролями. Иначе они не идут. Это становится нормой: ты воспитываешь актеров, потом они от тебя уходят, и все. Один из наших актеров тут мне как-то сказал, что стало ужасно скучно — ни собраний, ни товарищеских судов, ни заседаний: грязное белье не вытаскивают, под юбки не заглядывают. Шутка, конечно, но ведь сегодня вообще никому ни до кого нет дела. Какой уж тут дом, какая семья, если все заняты исключительно собой. Сейчас только нос сопливый человечек поднят, уже хочет быть отдельно. По своим делам знаю... Все отпочковываются, не хотят кучей, неинтересно, тяжело! И я их понимаю. Мне тоже не хочется, чтобы все топталось на одном пятке. Я хочу закрыться и побыть один. Даже представить страшно, что в комнате когда-то жили две семьи. Но жили, чтобы жить. По-другому не получалось.

Сейчас идет ломка. С одной сто-

роны, мы вроде бы свободны, а с другой — мы задавлены необходимостью все время гнать "картину". Нам не нужно такое количество премьер. Можно оставить несколько спектаклей, на которые ходит зритель, — и зал забит до отказа, и можно спокойно жить, не думая о средствах. Но нельзя же актеров, большую труппу оставить без работы. Вот что ужасно.

— Но если российский театр лишается модели "театр-дом", то на смену придет западная контрактная система. Может быть, это выход из создавшейся тяжелой ситуации, когда труппы огромны, а деньги зарабатывают единицы?

— Время покажет. На Западе жестокое, но нормальное существование. С нашим не сравнить. Я не так давно был в Париже и посмотрел один спектакль в театре, где актеров и режиссера приглашают на разовую работу. Но на второй день я отправился в "Комеди Франсез", где актеры существуют по нашим законам, работают постоянно. И вот что интересно! Насколько надменно, во всю тяжкую актеры играют в первом варианте, когда они приглашены на один спектакль, и насколько вальяжно и спокойно играют актеры "Комеди Франсез", уверенные в том, что никто их завтра не уволит, если они сегодня отработают чуть слабее. Но в России же совсем другая ситуация. У нас не выгонят, даже если ты совсем не нужен театру. Во-первых, потому что актер проработал здесь сорок, а то и пятьдесят лет. Во-вторых, он получит такую пенсию, на которую прожить невозможно. В-третьих, у нас так не принято. Да, мы сохраним огромные труппы, которые не действуют, но решиться на то, чтобы выгнать своих собратьев на улицу, никто не может. Поэтому надо доживать или действовать, как Любимов: выгнать всех и набрать новых, но это далеко не каждый может сделать. Я, например, не могу. Я помню, когда у Товстоногова был сложный период и он был в большом конфликте с ленинградскими властями, то спрашивал у меня совета — стоит ли ему переезжать в Москву. Я спросил его, сколько ему нужно времени, чтобы создать здесь новый театр. Он ответил, что шестнадцать лет. "У вас есть еще шестнадцать лет?" — спросил я его тогда. Он не ответил, но все понял. Одно дело приехать и поставить спектакль, другое — построить новый театр.

Когда-то давно Мария Николаевна Ермолова играла последний профессиональный спектакль и уходила со сцены — красиво, достойно, величественно. Мы же сейчас можем только восхищаться этим поступком. Единственное, что остается, — это мудро не торопиться и не делать резких движений. Они чреваты.

Беседу вела
Жанна ФИЛАТОВА

11. 5. 2000.
Ульянов Михаил Александрович